

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1 Поддерживаете ли вы проект Словаря в его главных контурах, предложенных авторами статей: в Словарь включаются имена ученых, занимавшихся (занимающихся) в основном русским фольклором; Словарь делится на два тома (фольклористы XVIII–XIX вв., фольклористы XX–XXI вв.)?

2 Какую информацию вы хотели бы получить из Словаря фольклористов: сведения о трудах и идеях наиболее выдающихся ученых, сведения о малоизвестных фольклористах второго ряда, сведения о полужабытых собирателях и публикаторах фольклора, помощь в библиографическом поиске и т.д.?

3 Каковы, с вашей точки зрения, должны быть критерии отбора «пограничных» имен — писателей и композиторов, этнографов, краеведов и т.д.? Просьба раскрыть этот вопрос на конкретных примерах.

4 Считаете ли вы необходимым включение в Словарь статей, в которых могут отсутствовать основные даты жизни фольклориста (чаще всего — фольклориста-краеведа), если установить их невозможно? Просьба раскрыть этот вопрос на конкретных примерах.

ВАЛЕНТИНА БАХТИНА

1

Полагаю, что Словарь в тех хронологических рамках и в том виде, каким он представлен в Проекте, будет стимулировать интерес к истории русской фольклористики от первых ее «донаучных» шагов до настоящего времени; явится действительно гуманистическим актом, книгой памяти тех многочисленных забытых или полуизвестных собирателей и любителей фольклора, чьими трудами питались и на чьей ниве выросли выдающиеся создатели основных фольклористических теорий.

2

Мне кажется, что Словарь, помимо, конечно, информативной, справочно-библиографической, воспитательной и др. функций, может стать первым шагом к созданию истории фольклористики, как истории не только школ и методов, но истории идей, гипотез, предположений, экспериментов, терминологии, наконец. Фольклористика наших дней характеризуется не только явной терминологической перегруженностью (не всегда оправданной, но иногда неизбежной в силу активно развивающихся дисциплин, находящихся на стыке наук — лингвофольклористики, этнолингвистики, семиотики и пр.), но, что гораздо серьезнее, повторением (иногда развитием и уточнением) некоторых идей и положений, высказанных в науке прошлого, но преподносимых в качестве оригинальных новейших достижений фольклорной мысли (скажем, представление о бытовании фольклорного текста в самом широком смысле и понятие «контекста»). Объективные данные о развитии тех или иных идей в науке важны не только для утверждения приоритета нашей фольклористики на мировом фоне (и это, конечно, необходимо), но, в первую очередь, для нас самих, для реального развития и продолжения достижений и замыслов русской фольклористической школы.

**Валентина Александровна
Бахтина**
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Москва
bachtina@imli.ru

3

Непростой вопрос. Очевидно, что в Словарь должны быть включены те профессионалы, кто: а) совмещал свою основную деятельность с собирательством; б) сам непосредственно являлся знатоком и носителем фольклорной традиции и эти знания использовал в своем творчестве; в) никогда фольклор не собирал, но изучал, выбирая его из книг, общаясь с носителями традиции и применяя добытые таким путем знания в своей профессиональной деятельности. По-видимому, здесь понадобится индивидуальный подход при отборе.

4

Думается, отсутствие каких-то сведений из-за невозможности их добыть не может служить достаточным аргументом для невключения того или иного лица в Словарь. Совершенно очевидно, что Словарь не может претендовать на абсолютно полную и достоверную информацию во всех статьях, хотя, естественно, должен к этому стремиться. Но если одной из его функций, как предполагают авторы многолетнего проекта, является возрождение на местах интереса к забытым именам, уточнения и корректировки будут неизменно возникать. Но адресованы они будут уже будущим переиздателям Словаря.

**НАТАЛЬЯ ДРАННИКОВА,
ИРИНА РАЗУМОВА**

1

Проект всецело поддерживаем. Основная идея Словаря и его содержание оправданы и аргументированы и никаких возражений вызывать не могут. Укажем на один из сложных аспектов проекта, с которым неизбежно столкнутся составители: так как исследователь или собиратель фольклора мог публиковаться как в XIX, так и в XX в., нередко будет не просто решить, включать данное имя в первый или во второй том Словаря.

2

Информация каждого из этих уровней важна: а) для специалистов; б) для гуманитариев широкого профиля; в) для начинающих исследователей и учащейся молодежи. Словарь может иметь большое научное, образовательное и просветительское значение для всех категорий читателей. Но особенно важно его появление для современных молодых исследователей, испытывающих, с одной стороны, информационный бум, а с другой,

Наталья Васильевна

Дранникова

Поморский
государственный университет
им. М. Ломоносова,
Архангельск
drannikova@pomorsu.ru

Ирина Алексеевна Разумова

Филиал Кольского научного
центра РАН, Центр гуманитарных
проблем Баренц-региона,
Апатиты
irinazarumova@yandex.ru

страдающих от фрагментарности и неоднородности, а также от качества информации, предоставляемой различными источниками, прежде всего Интернет-ресурсами. Ценность принимаемого издания видится еще и в том, что существует известная информационная разобщенность научного сообщества. Молодые специалисты недостаточно владеют культурой поиска информации, что сказывается на уровне исследований, поэтому справочно-библиографический материал может оказать неоценимую помощь.

Сведения о малоизвестных собирателях-краеоведах, безусловно, должны войти в Словарь; особенно важны они для тех, кто работает в регионах, где разворачивалась деятельность этих фольклористов.

3

Критерием включения в Словарь имен композиторов и писателей, наш взгляд, является один фактор: наличие в их творчестве музыкальной или литературной обработки фольклорных сюжетов.

Помимо «пограничных» имен писателей, композиторов и т.д., есть категория исследователей, которые не всегда признаны своей корпорацией, так как они представляют иные дисциплины: например, это Г.Я. Сими́на, доцент Калининградского университета, диалектолог, опубликовавшая книгу «Пинежские сказки» (Архангельск, 1975). Другой пример — И.С. Меркурьев, издавший книги «Живая речь Кольских поморов» (Мурманск, 1979) и «Пословицы и поговорки Поморья» (СПб., 1997). Его специальностью была лингвистика. Оба названных исследователя, подчеркнем, публиковали аутентичный фольклорный материал, поэтому критерием отбора, на наш взгляд, должно стать то, работал ли тот или иной исследователь и публикатор фольклора с аутентичными текстами. Лингвистам и диалектологам в будущем Словаре надо уделять особое внимание.

Что касается включения в Словарь имен социальных антропологов, то этот вопрос требует дополнительного осмысления.

Подчеркнем, что многие собранные фольклорные материалы до сих пор остаются неопубликованными, они осели в областных и районных архивах. Надеемся, что данное издание позволит ввести в научный оборот новую информацию об архивных фондах. Полагаем, что Словарь будет содержать сведения из области архивной эвристики: очертит сеть архивов, содержащих фольклорные материалы; назовет неопубликованные материалы в фондах государственных учреждений и в фондах личного происхождения. Считаем, что к работе над Словарем надо привлекать историков-архивистов.

4

Безусловно, да. Отсутствие ряда сведений не является основанием для исключения того или иного лица из Словаря. Словарь, наоборот, может выполнять иницилирующую роль в этом вопросе. Он может послужить стимулом для дальнейшей историко-библиографической работы над источниками. Например, в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» под псевдонимом Статистик публиковался Сергей И. Барыков (псевдоним раскрыт по автографу автора на экземпляре БАН). Возможно, что в ходе работы над Словарем эта фигура получит более или менее полное освещение.

ТАТЬЯНА КАНЕВА

1

Необходимость создания Словаря, предложенного инициаторами проекта, не вызывает никаких сомнений, эта идея нуждается в самой широкой поддержке. Такой словарь необходим и как обобщение имеющихся на настоящее время данных о личностях фольклористов, и как современная оценка их деятельности. Кроме этой научной значимости, он, безусловно, будет обладать и большим практическим значением как источник фактографических и библиографических сведений. Таким образом, от лица всего коллектива *фольклористов* (включая *этнолингвистов*) Сыктывкарского университета выражаю поддержку проекту Словаря «в его главных контурах», представленных в статьях А.Л. Топоркова и Т.Г. Ивановой. Очевидно, что за ними стоит большая аналитическая работа, тщательно проработанный материал из разного рода биобиблиографических изданий, потому сами подходы к организации Словаря представляются весьма продуманными.

2

3

4

Что касается отбора персоналий, то включение в Словарь имен ученых, занимавшихся (занимающихся) «только» русским фольклором, выглядит вполне обоснованным, учитывая тот объем, который предстоит освоить. Обсуждаемый словарь практически сразу после выхода в свет первого тома

Татьяна Степановна Канева

Сыктывкарский
государственный
университет,
Сыктывкар
tkaneva@rambler.ru

(а может быть, и раньше — на этапе обсуждения) сможет стать образцом для подготовки подобных изданий о фольклористах, связанных с народным творчеством других народов России. Без сомнения, в Словаре необходимо представить имена тех, кто занимался *хотя бы одним из собственно фольклористических видов деятельности*: собиранием, хранением, изданием, исследованием русского фольклора — будь то ученые или краеведы, священнослужители и т.д. Здесь не должно быть отбора с точки зрения степени известности или вклада в общее дело. Современный Словарь как раз и должен собрать максимально полную информацию и о выдающихся ученых, и о малоизвестных фольклористах «второго ряда», и о полузабытых собирателях и публикаторах фольклора. Отсутствие каких-либо биографических сведений не должно быть препятствием к включению статьи в Словарь: такие случаи как раз и отразят те «белые пятна», на которые стоит обратить внимание источниковедов, биографам, краеведам и т.п. и которые, возможно, удастся устранить в будущем. А вот необходимость включения в Словарь людей искусства (писателей, поэтов, художников, музыкантов и др.), *только использовавших русский фольклор в своем творчестве*, вызывает сомнения. Безусловно, очень важно определить и оценить круг таких личностей, особенности фольклоризма творчества каждого из них, но, как представляется, это выходит за рамки научно-организационной фольклористической сферы, каковая, вероятно, должна стать определяющей в обсуждаемом Словаре. Он должен дать информацию о личности как о фольклористе (ученом, собирателе, издателе), а не как о писателе, поэте и т.д. Вероятно, решение этого вопроса не так однозначно, как можно представить при определении общих установок, и не исключен индивидуальный подход, как и в случае с украинскими и белорусскими фольклористами, о чем пишет А.Л. Топорков.

Относительно «разновидностей» информации, которую хотелось бы получить из Словаря фольклористов, можно сказать, что при изложении видения структуры и содержания словарных статей Т.Г. Ивановой и А.Л. Топорковым учтены, как представляется, все моменты. Вся приведенная информация (фамилия, имя, отчество; даты и место рождения и смерти (с указанием старого и нового стиля); портрет (в идеале); дефиниция; основное содержание статьи; «подвал»: Библиография; Исследования; Публикации; Литература; Архивы) необходима для пользователей; особенно порадовало включение информации о наличии и местонахождении архива, и, что очень важно, не только личного, но и персональных материалов (например, записи фольклора) в составе других коллекций. Место рождения и место кончины и погребения, даты по новому и старому

стилю — эти подробности и соответствия, действительно, важны (за исключением не имеющих непосредственного отношения к фольклористической деятельности избыточных биографических данных, например имен супругов, детей — о чем пишет Т.Г. Иванова). Как и в случае с датами, стоит сопроводить соответствующими уточнениями и названия населенных мест (например: г. Детское село, ныне г. Пушкин).

Важна и подпись автора статьи, на что обращает внимание Т.Г. Иванова. В связи с этим выскажу следующее суждение: возможно, стоит подумать не только об использовании «автосправок» при написании статей о ныне здравствующих ученых¹, но и о публикации «автосправок» (с соответствующей подписью, разумеется) — это может коснуться сравнительно молодых фольклористов, деятельность которых пока сложно (или не стоит) сопровождать сторонними оценками. Попутно также отмечу, что «автосправки» современных ученых избавят создателей словаря от такого сложного момента, как профессиональная специализация: пусть сам анкетированный определит ее или расставит акценты в порядке называния своих специализаций (например: этнолингвист, диалектолог, историк языка). Широкомасштабное анкетирование современных фольклористов для создаваемого Словаря будет полезно еще и потому, что новейший справочник «Фольклористы России» [2007] — при всей его реальной востребованности — является справочником *участников* Первого Всероссийского конгресса фольклористов.

Во втором томе, посвященном современной фольклористике, стоит предусмотреть раздел об основных академических, вузовских и иных учреждениях, где занимаются изучением русского фольклора, с указанием контактной информации (адрес почтовый и электронный, телефон, сайт).

В заключение хочется пожелать инициаторам и будущим участникам этого благородного проекта успехов в его осуществлении.

Библиография

Фольклористы России: Краткий справочник персоналий / Сост. А.С. Каргин, И.Е. Посоха. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2007. 128 с.

¹ С соответствующей пометой рядом с подписью автора статьи, типа: «на основе / с использованием личной анкеты».

КЛАРА КРЕПОВА

1 Идея биобиблиографического Словаря русских фольклористов, безусловно, назрела. Переиздание классиков отечественной фольклористики в последние годы, да и вообще развитие науки о народном творчестве в конце XX в. наглядно обнаружили, что история русской фольклористики много сложнее, чем мы себе ее представляли. Пришло осознание того, что многие идеи, развиваемые русской фольклористикой в настоящее время, уже были выдвинуты исследователями еще в XIX — начале XX вв. и даже отчасти намечены подходы к решению их. Об этом А.Л. Топорков совершенно справедливо говорит в выдвигаемой концепции Словаря. Словарь может стать той источниковедческой базой, на которой можно создавать новую «Историю русской фольклористики».

Целиком поддерживаю положения Т.Г. Ивановой о содержании и структуре словарных статей, а также о методике составления Словника. Поддерживаю положение А.Л. Топоркова о необходимости источниковедческой и текстологической экспертизы фольклорных публикаций и указания на подделки и фальсификации. Сюда стоит включить и указание на скрытые или неатрибутированные вторичные перепечатки материалов.

2 Словарь, конечно, должен содержать сведения о трудах и идеях наиболее выдающихся ученых и, разумеется, оценку их, желательно в контексте зарубежной науки. В то же время очень значительное место должно быть уделено в Словаре «малоизвестным фольклористам второго ряда» и, более того, многочисленным собирателям и публикаторам фольклора, кто остался почти неизвестным, чьи фамилии нам сейчас уже ничего не говорят, но именно их общими усилиями собран в XIX — начале XX вв. огромный материал, в настоящее время

в значительной части уже неповторимый. Фамилии этих фольклористов, взятые в совокупности, показывают, что собирание фольклора в России осуществлялось не только учеными, а было делом, можно сказать, общенациональным, общекультурным.

3

4

Подготовка Словника, а затем статей о таких собирателях вызовет ряд трудностей. Первая связана с отбором имен. Многие провинциальные собиратели вошли в фольклористику одним этнографическим очерком или единовременной записью фольклора в большем или меньшем объеме материала. Например, многочисленные корреспонденты Императорского Русского географического общества (ИРГО), в основном, местные священники, которые, кроме отправки в середине XIX в. рукописи в ответ на призыв и опубликованную анкету ИРГО, больше фольклор не собирали. Думаю, что круг собирателей, представленных в Словаре, должен быть широк. Трудность вызовет сбор биографических сведений о таких фольклористах, но архивные разыскания могут дать результаты. Допускаю также, что отсутствие точных дат жизни фольклориста при невозможности их установления не должно быть препятствием для включения в Словарь. Не может быть препятствием и тот факт, что собрания ряда провинциальных фольклористов остались до сих пор не опубликованными. Приведу конкретные примеры.

Среди тех, кто записывал нижегородский фольклор, был А.В. Карпов. Из нижегородских собирателей XIX в. он оставил самое большое наследие — более 500 песен, записанных в середине 1870-х гг. в ряде компактно расположенных селений Арзамасского уезда. В его записях есть обрядовые календарные песни с описанием обрядовых действий, по-разному происходивших в крестьянской и мещанской городской среде, свадебная лирика, песни исторические, лирические, плясовые, хороходные, поздние городские романсы, скоморошины, баллады, духовные стихи, детский фольклор и даже несколько былин. В его записях, таким образом, исчерпывающе представлен песенный репертуар одной локальной традиции. Между тем, собрание его в полном виде до сих пор не опубликовано (изданы только исторические песни и былины, всего чуть больше 20 текстов). Считаю, что, несмотря на это, статья о А.В. Карпове должна быть в Словаре.

Другой пример такого же рода. В Архив Центра фольклора Нижегородского государственного университета недавно поступило рукописное собрание частушек (около 8000 тысяч) И.И. Тимина. Если о А.В. Карпове уже писали и имя его в какой-то мере известно, то имя И.И. Тимина до сих пор не упоминалось даже в региональной фольклористике. Между тем,

его собрание — самое крупное из коллекций нижегородских частушек, записанных в первой половине XX в. В нем представлены частушки, собранные с 1922 по 1940 гг. Но в материалах есть черновой вариант письма, в котором говорится, что несколько тысяч частушек, записанных в 1918–1920 гг., были отправлены им в Москву. Судьба их неизвестна, может быть, и эту рукопись удастся отыскать. К сожалению, мы пока ничего не знаем о собирателе, кроме тех сведений, которые имеются в рукописи: И.И. Тимин был учителем словесности, работал в 1920–1930-е гг. в разных учебных заведениях и давал учащимся задание записать частушки, которые они знают, указав, где они их слышали и когда. Вот эти ученические листочки и тетрадки с записями из разных уездов, в основном Нижегородской губернии, и составляют собрание И.И. Тимина. Ценность собрания в том, что это материал, не прошедший цензуру, как официальную государственную, так и самого собирателя. Более того, собрание материала было нацелено на объективность (без отбора), поэтому в мужских частушках, даже записанных учениками, встречается ненормативная лексика; в частушках, особенно 1920-х гг., отразились сложное отношение к советским преобразованиям деревни и совсем не апологетическое отношение к вождям, в том числе к Ленину. Когда собрание удастся опубликовать, оно, безусловно, будет привлекать к себе внимание исследователей. А статья о собирателе И.И. Тимине, думаю, может быть в Словаре (надеюсь, что биографические данные его удастся разыскать).

Если при составлении Словника придется решать вопрос об отборе имен по значимости вклада, то следует учитывать, что оценка значимости во многом определяется нашими знаниями о фольклористе (собирателе, публикаторе). Эти знания могут пополниться в ходе работы над словарными статьями, и потому, может быть, стоит в Словнике иметь некоторый резервный фонд фамилий. Опять же приведу пример. Есть публикация свадебного обряда из с. Рождествено Ветлужского уезда Костромской губернии (Этнографическое обозрение. 1896. № 4), принадлежащая В.Ф. Лугинину и Н. Иорданскому. Последний, скорее всего, местный священник, и вероятно, он сделал описание обряда, а В.Ф. Лугинину принадлежит историческая часть очерка. В.Ф. Лугинин — владелец имения в Рождественом. В середине XIX в. он принимал участие в революционном движении, потом уехал за границу, там был близок с семьей Герцена. По возвращении в Россию, был профессором-химиком Московского университета. Является ли названная публикация единственным обращением его к фольклору, предстоит еще выяснить. Фамилия эта в истории собирания фольклора мелькнула еще раз. В «Великоруссе...» П.В. Шейна есть более

десяти песен разных жанров из того же села Рождествено с пометкой «Из рукописного сборника г-жи М.В. Лугининой. (или “Зап. М.В. Лугининой”). Сообщ. Этногр. Отд. И.О.Л.Е., А. и Э.» Можно предположить, что эти записи делала дочь В.Ф. Лугинина. И все ли песни из ее рукописного сборника опубликовал П.В. Шейн? Возможно, только те, которые соответствовали профилю тома. Если в ходе подготовки Словаря провести архивные разыскания, может оказаться, что Лугинины заслуживают быть представленными в Словаре.

К составлению Словаря, особенно в части, касающейся провинциальных и мелких собирателей, целесообразно привлечь фольклористов из регионов, поскольку им легче на местах вести разыскания.

СОФЬЯ ЛОЙТЕР

1 Проект биобиблиографического словаря «Русские фольклористы», предъявленный и обстоятельно обоснованный в статьях Т.Г. Ивановой и А.Л. Топоркова, горячо поддерживаю. Содержание, структура, репрезентативность Словаря, этапы работы над ним авторами статей представлены чрезвычайно подробно, продуманно и взвешенно.

2 Учитывая отсутствие современной единой обобщающей работы по истории фольклористики и фольклористах XX в. (фундаментальная «История русской фольклористики» М.К. Азадовского завершается его началом), полагаю, что Словарь должен содержать не просто назывные сведения об исследованиях, но непременно раскрывать научные концепции того или иного ученого-фольклориста, а также давать библиографию основных его трудов.

3 Мои сомнения вызывают два посыла. Один из них касается систематизации персоналий по регионам. Вряд ли это возможно, так как одно и то же лицо является исследователем и регионального фольклора, и общих (в том числе теоретических) проблем фольклористики. Второй посыл касается принципов

Софья Михайловна Лойтер
Карельский государственный
педагогический университет,
Петрозаводск
sofia5@onego.ru

отбора имен писателей. Вероятно, следует ограничиться теми писателями, которые выступали в роли собирателей, публикаторов фольклора; возможно, также теми деятелями литературы, чьи произведения созданы на основе фольклора, то есть непосредственно связаны с каким-то фольклорным текстом (к примеру, «Русские народные сказки» в обработке А.Н. Толстого или «Илья Муромец» А.К. Толстого). Если же следовать принципу фольклоризма творчества того или иного писателя, то тогда в Словарь придется включать почти всех русских писателей.

Остановлюсь на одном вопросе, который меня особенно волнует, — это включение в Словарь краеведов-фольклористов. Именно краеведы-фольклористы, или, как их называют инициаторы проекта, «фигуры второго ряда», стояли у истоков фольклористики Карелии (бывшей Олонецкой губернии), завоевавшей славу страны классического фольклора. С деятельности Святослава Афанасьевича Раевского, первого редактора неофициальной части учрежденной в конце 1830-х гг. газеты «Олонецкие губернские ведомости», а затем и с деятельности директора Олонецкой губернской гимназии Федора Никитича Фортунатова в губернии началась, а затем укоренилась традиция участия гимназических учителей и учителей семинарии в собирании, изучении и публикации фольклора. Федор Иванович Дозе (1831–1879), Константин Михайлович Петров (1836–1898), Павел Тимофеевич Виноградов (даты жизни не установлены), Николай Семенович Шайжин (1879–1950) — замечательная когорта петрозаводских учителей-краеведов XIX в. Их деятельность завершается в начале XX в., когда учительское фольклорное краеведение в Петрозаводске, по существу, прекратилось. Но оно не заглохло, а переместилось в деревню.

Предреволюционный период выдвинул в Карелии три неординарные фигуры в области фольклористики: это заонежская учительница Елизавета Васильевна Ржановская (1888–1975), другой заонежский (из Космозера) учитель Петр Петрович Коренной (даты жизни не установлены), уроженец старинного поморского села Сумской Посад собиратель севернорусского фольклора Иван Матвеевич Дуров (1894–1938), ставший жертвой сталинских репрессий. Каждый из этих краеведов, внесших своей собирательской, публикаторской, популяризаторской деятельностью бесценный вклад в русскую фольклористику, заслуживает отдельной статьи в Словаре. Вместе с тем, работа по воссозданию их биографий порой сопряжена с отсутствием полных сведений: не всегда известны даты рождения и кончины, неясны отдельные периоды деятельности и т.д. Думаю, что отсутствие определенных данных в Словаре вполне допустимо.

ПОСТСКРИПТУМ

Мы искренне признательны всем, кто откликнулся на наше предложение, познакомился с проектом и прислал свои соображения и критические пожелания. Общее впечатление, которое остается от знакомства с этими ответами, заключается в том, что такая работа назрела и нужна не только будущим читателям, но и прежде всего самим фольклористам. Это дает надежду на то, что у проекта действительно есть все шансы воплотиться в жизнь. Уже при первой попытке сформировать авторский коллектив мы получили горячую поддержку, прежде всего со стороны фольклористов, проживающих вне Москвы и Санкт-Петербурга. Очевидно, что работа над Словарем могла бы дать мощный стимул для развития региональной фольклористики и ее историографии.

Основные критические замечания, которые содержатся в публикуемых откликах, касаются критериев включения или, наоборот, невключения в Словарь тех или иных «пограничных» персоналий. Действительно, здесь пока много неясного. Несомненно, мы будем обдумывать эти вопросы и обсуждать их с коллегами. Хотелось бы только отметить, что некоторая «пластичность» и не жесткая заданность общей конструкции предоставляет составителям Словаря определенную свободу действия, которая совсем для них бесполезна. Ведь решение о том, следует ли включать в Словарь статью, посвященную тому или иному индивиду, в реальности будет определяться не только тем, насколько он «подходит» для Словаря, но и тем, найдется ли автор для той или иной статьи.

Заранее можно предвидеть такую ситуацию, что в одних региональных центрах найдутся энтузиасты, которые включатся в работу над Словарем и восстановят биографии своих краеведов-фольклористов, а в других не

найдутся, и целые пласты региональной фольклористики пока останутся под спудом. В этом смысле будущий Словарь со всеми его возможными достоинствами и недостатками станет отражением не только истории русской фольклористики, но и ее сегодняшнего состояния.

Андрей Топорков